

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации Юриной Натальи Геннадьевны «Литературно-художественное творчество В. С. Соловьёва в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература

Творческое наследие В. С. Соловьева по праву может считаться программным документом, отразившим и одновременно предопределившим основные тенденции развития отечественной культуры второй половины XIX в. и начала XX столетия. В то же время было бы легкомысленно полагать, что истинная роль русского Оригена, вдохновителя и критика символистов, апологета добра и певца грядущего торжества «ничто», тонкого лирика и язвительного пародиста (противоположности можно множить довольно долго) в полной мере осмыслена научным сообществом.

Рубежное положение Соловьева в культуре изначально затрудняет возможность «чистого» исследования его текстов: как стихотворных, так и прозаических. Впрочем, то же самое можно сказать и о философском наследии, ибо нередко трудно развести по разные стороны барьера Соловьева-философа, Соловьева-богослова и Соловьева-ересиарха. Ввиду названных обстоятельств доводы, приводимые Н. Г. Юриной для обоснования актуальности диссертационной работы, по существу своему вряд ли могут вызвать возражения. Однако мне представляется, что данная позиция в диссертации представлена чересчур многословно. Одного только тезиса о действительно назревшей необходимости «системно осмыслить художественный мир Соловьёва в контексте современного ему литературного процесса» в соединении тезисом о том, что «творчество Соловьёва отразило смену типов художественного сознания в конце XIX столетия», а значит — «осмысление роли Соловьёва в современном ему литературном процессе позволит проследить, как <...> актуализировались традиции (в том числе фольклорная и древнерусская), эволюционировала жанровая система» etc. (с. 5), — было бы вполне достаточно. Но нет, соискательница прячет ценные мысли, касающиеся объективных внутренних

противоречий в современном научном дискурсе, и их приходится выуживать из глубин абзаца.

В то же время для меня очевидно, что **актуальность** диссертационного сочинения Н. Г. Юриной, а также его **научная новизна** не могут и не должны быть подвергнуты сомнению. Излишнюю увлеченность и желание «сказать все и сразу» вряд ли можно отнести к недостаткам, тем более что анализ обязательных позиций «Введения» и основной части работы показывает нам, что соискатель великолепно владеет материалом.

История вопроса (она же степень научной разработанности проблемы), во вводной части представлена кратко (по объему страниц), емко (с информационной точки зрения), а главное — корректно. **Научная новизна** определена достаточно четко и в первую очередь «состоит в целостном и многоаспектном изучении литературного наследия В. С. Соловьёва с учётом эволюции его творчества, историко-литературного контекста, в осмыслении специфики художественного универсума писателя через анализ его разнообразных творческих проявлений» (с. 11); далее соискатель корректно раскрывает основные аспекты исходного тезиса. Правда, не совсем понятно, к чему было выносить теоретический аспект научной новизны в отдельную позицию, хотя, с другой стороны, автор имеет полное право на такое решение.

Предложенные соискателем **определения объекта и предмета** исследования не вызывают возражений: «Весь диапазон литературно-художественного творчества В. С. Соловьёва» — «особенности художественного мира В. С. Соловьёва: эстетическая основа, принципы организации, творческие ориентиры, отношение к традиции, жанровый диапазон, ключевые черты стиля» (с. 12). То же самое можно сказать о сформулированных соискателем задачах, иерархия решения которых полностью соответствует поставленной цели — «осмысление литературно-художественного творчества В. С. Соловьёва как целостной, динамично развивающейся концепции <...>» (с. 13.)

Методологический раздел «Введения» в целом не вызывает нареканий. Хотя, на мой взгляд, очерк подходов к наследию Соловьёва можно было бы

поместить в историю вопроса, а при перечислении методологических ориентиров ограничиться по-настоящему значимыми именами.

Однако в целом **методология**, избранная автором (совокупность принципов «сравнительно-исторического, сравнительно-типологического, культурно-исторического, биографического, психологического, социокультурного методов» при доминировании метода историко-литературного) (см. с. 16–17), прекрасно подходит к избранному материалу, полностью соответствует поставленным задачам и в совокупности с тщательно проработанными и систематизированными материалами обеспечивает **достоверность и высокую степень обоснованности** результатов диссертационной работы.

Содержательная часть работы представлена шестью главами и занимает почти 600 страниц, что вполне объяснимо, поскольку решать поставленные задачи в меньшем объеме довольно сложно. Определенные, на наш взгляд, излишества в работе все-таки присутствуют, но об этом будет сказано позже.

Логика исследования достаточно четко прописана в названиях глав и соответствующих разделов. **Первая глава** — «Эстетико-литературные основы художественного творчества В. С. Соловьёва» — вначале представляет нашему вниманию последовательный анализ особенностей его эстетических воззрений, нашедших отражение в литературном наследии автора. Опираясь на полученные данные, Н. Г. Юрина выявляет основные моменты, определяющие специфику творческого сознания и художественного метода Соловьёва, после чего переходит к рассмотрению авторских стратегий и осмыслению жанрового состава соловьёвского творчества.

Вторая глава — «Поэтический мир В. С. Соловьёва» — представляет собой опыт комплексного анализа стихотворного наследия автора. В поле зрения соискателя находятся тематическое своеобразие его философской лирики, жанрово-стилевые особенности лирического творчества автора, а также выявления концептуально-значимых связей поэзии Соловьёва с традициями русской классики (Державин, Жуковский, Тютчев, Хомяков etc.).

«Драматургия В. С. Соловьёва в историко-литературном контексте последней четверти XIX столетия» становится предметом рассмотрения **третьей главы**, где в равной степени глубоко осмыслены художественное своеобразие одноактных драм В. С. Соловьёва и связи драматургии Соловьёва с русским театром конца XIX столетия. Также следует положительно отметить раздел, посвященный анализу «Белой Лилии», в котором, помимо прочего, представлен прекрасный сопоставительный анализ драмы Соловьёва и мистерии В. К. Кюхельбекера «Ижорский», результаты которого открывают новые грани взаимодействия Соловьёва с русской романтической традицией.

Четвертая глава — «Своеобразие философской художественной прозы В. С. Соловьёва» — включает в себя разбор «Вечеров в Каире» и «Софии», «Трёх разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Все избранные тексты глубоко и полно осмыслены соискателем. Наблюдения, касающиеся «драматических» основ соловьёвского текста, живой связи авторской прозы с современностью etc., эволюции философского диалога (у Соловьёва, конечно же), представляются весьма интересными и ценными.

Выделение «Краткой повести об антихристе» в отдельный раздел представляется вполне оправданным, поскольку эсхатологическая основа этого текста, обусловила его особенное положение и в «Трёх разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Соискатель справедливо указывает, что «жанр апокалипсиса позволил Соловьёву, с одной стороны, выразить собственный взгляд на проблему зла, соединив её с историко-философской концепцией, с другой — в литературной форме продолжить полемику с идейными оппонентами, главным из которых ему представлялся Л. Н. Толстой» (с. 388–389) и, наконец, дал возможность художественного (то есть, свободного) осмысления библейской апокалиптики.

В **пятой главе** («Мемуарная и биографическая проза В. С. Соловьёва в историко-литературном контексте конца XIX столетия») вначале рассматриваются значимые связи литературных воспоминаний Соловьёва с жанром мемуаров в русской словесности. Следующим этапом анализа становится иссле-

дование рассказа «На заре туманной юности» в контексте русской автобиографической прозы последней четверти XIX века; подытоживают главу развернутые размышления о жанре биографической прозы в художественном творчестве В. С. Соловьёва.

Заключительная **шестая глава** «Своеобразие литературно-критического, публицистического и эпистолярного наследия В. С. Соловьёва» посвящена, скажем так, нехудожественному наследию автора. Соискатель рассматривает жанрово-стилевые особенности публицистики В. С. Соловьёва, проблематику и поэтику его эпистолярной прозы. При этом сам Соловьёв предстает фигурой демиургического уровня: «Основатель религиозно-философской критики рубежа XIX–XX веков» (с. 474). Впрочем, далее Н. Г. Юрина указывает, что «принципы философской критики Соловьёв обозначал постепенно, в рамках конкретных литературно-критических высказываний 1880–1890-х годов», что названные Соловьёвым «принципы литературно-критического анализа могли проявляться в творчестве конкретных представителей религиозно-философского направления рубежа XIX–XX веков в разной степени и в разном соотношении» (с. 477–478). Однако от себя добавим, что добрая половина этих оригинальных принципов была известна задолго до Соловьёва, а вторая половина тогда же или несколько позже воплощена другими. Соловьёв, безусловно, оригинальный публицист, но на фоне К. Леонтьева, Н. Федорова, о которых, замечу, немало и хорошо написано в диссертации, он — «один из...», но никак не единственный.

В «Заключении» представлены обобщенные результаты проделанного в основной части анализа. Все выводы логически связаны с целью и системой задач и не противоречат выносимым на защиту положениям.

На этом позволим себе перейти к основной при оппонировании — критической — части отзыва. Сразу скажу, что в целом работа производит благоприятное впечатление. Однако шероховатости все-таки присутствуют.

1. Объем диссертации вполне можно было бы сократить, отказавшись от развернутых экскурсов биографического и теоретического характера: например, рассуждение об особенностях платоновского диалога (с. 350–354).

2. В отдельных случаях соискатель в ущерб объективности проявляет излишнюю лояльность к авторитетам. Так, по мнению Н. Г. Юриной, «в шуточной трактовке темы поэзии („Пророк будущего“) Соловьёв утверждал отнюдь не пушкинскую мысль о могуществе и всеведении поэта-пророка, напротив, указывал на его сосредоточенность на неясном, малопонятном для простых людей» и «сталкивал предлагаемый образ с ожидаемым читательским, который был создан в коллективном сознании усилиями предшествующих поколений поэтов (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и др.). Цель подобной игры очевидна: пародирование, причём не только литературных текстов, но и общепринятых штампов» (с. 156). Вот только комментарий самого Соловьёва, трактует пушкинского пророка с неприкрытой иронией, да и соловьевское стихотворение отнюдь не о том, что герой сосредоточен «на неясном, малопонятном для простых людей», — оно, скорее, о закономерностях деградации пророческого института в условиях современной автору России: «А когда порой в селение / Он задумчиво входил, / Всех собак в недоумение / Образ дивный приводил. // Но, органами правительства / Быв без вида обретен, / Тотчас он на место жительства / По этапу водворен».

3. Теургическая концепция В. С. Соловьёва сыграла важную роль как в его собственном становлении, так и в развитии литературы Серебряного века. Однако соискательница (за исключением, пожалуй, первой главы) старательно обходит данный вопрос. Проблема теургизма отсутствует и в положениях, выносимых на защиту. Возможно, сам Соловьёв себя теургом не считал, но тем не менее хотелось бы получить ответ на вопрос: «Был ли когда-либо теургизм *необходимой* составляющей художественного творчества Соловьёва?». Мне представляется, что не просто был... Другое дело, кто вел теурга к иско-мой цели: светлая или темная сторона Софии; божество Заветов или безличное Сущее? Если бы соискательница обратила внимание на последний мо-

мент, ей бы сейчас не пришлось думать над тем, каким образом романтический тип художественного творчества, характерный, по словам Н. Г. Юриной, для теургической поэзии, обнаруживает себя в демиургии Серебряного века?

Впрочем, заданные вопросы имеют по большей части дискуссионный характер и никоим образом не ставят под сомнение уровень диссертационного исследования в целом.

Положения, выносимые на защиту, сформулированы корректно, опираются на результаты кропотливого многоуровневого анализа, а главное — отражают основные позиции, определяющие научную новизну работы.

Научная ценность диссертации Н. Г. Юриной несомненна, поскольку в ней представлен не просто строго систематизированный взгляд на все творчество В. С. Соловьева, но и объемный портрет эпохи, в итоге породившей Серебряный век со всеми его плюсами и минусами. То же самое можно сказать по поводу **теоретической и практической значимости**. Первая определяется выявленными Н. Г. Юриной закономерностями формирования русской поэтики и конкретизацией значимых моментов теории культурно-философского контекста художественной литературы, а также ряда важных дефиниций («авторское сознание», «авторская стратегия», «религиозно-философская критика», «философская лирика» etc.). Вторая — возможностью применения результатов работы в соответствующих вузовских курсах, учебных и учебно-методических изданиях и различных междисциплинарных исследованиях.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что диссертационное сочинение Натальи Геннадьевны Юриной — это самостоятельная, цельная и полностью завершенная работа научно-квалификационного характера. Диссертация соответствует паспорту специальности 10.01.01 — русская литература по следующим пунктам: п. 3 — «История русской литературы XIX века (1800 – 1890-е годы)»; п. 4 — история русской литературы XX–XXI веков; п. 8 — «Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве»; п. 9 — «Индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-

стилевых особенностей в их историческом развитии». Результаты работы, которая содержит в себе решение задач, имеющих принципиальное значение для литературоведения, безусловно, являются ценными.

На основании сказанного можно заключить, что диссертация Натальи Геннадьевны Юриной ««Литературно-художественное творчество В. С. Соловьёва в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль)» отвечает требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней» (Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), и ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература.

09 сентября 2019 г.

Доктор филологических наук (специальность 10.01.02 — литература народов РФ), доктор философских наук (специальность 09.00.03 — история философии), профессор; Заслуженный деятель науки РФ; профессор кафедры литературы и русского языка филологического факультета ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»; 196605 Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10 лит. А; тел.:(812) 466-65-58 (приемная ректора), 8 (812) 451-98-42 (деканат); pushkin@lengu.ru, filolog.dekanat@lengu.ru

**Слободнюк
Сергей Леонович**

